

Alexandr Savchenko, Mikhail Khmelevskiy
 Petersburski Uniwersytet Państwowy, National Chengchi University (Taiwan)

«Над кем смеётесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки»)¹

*«Произнесенное метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором...
 А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни не-
 мецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой
 и бойкой русской ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как
 насадка цыплят, а вlepливает сразу, как папирот на вечную носку, и нечего
 прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы – одной чертой обрисован
 ты с ног до головы!»*

(Н.В. Гоголь, «Мертвые души»)

В настоящей статье мы попытаемся продемонстрировать роль устойчивых сравнений, фразеологизированных сравнительных оборотов и других языковых средств в создании комического эффекта в украинском разговорном языке на примере художественного текста.

Вначале следует остановиться на самой природе юмора в украинской культуре, поскольку уже здесь мы наблюдаем существенное отличие от русской смеховой традиции. Иными словами, несмотря на близкородственность русского и украинского языков, схожесть менталитетов, культур и истории двух народов, русский

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

и украинец далеко не всегда пользуются теми же самыми языковыми средствами для создания комического эффекта.

По нашим многолетним пристальным наблюдениям, в разговорном украинском языке устойчивость сравнения и воспроизводимость образов не является обязательным признаком для его фразеологизации, украинское фразеологизированное сравнение зачастую более авторское, чем в русском узусе, и, возникнув, может функционировать даже в рамках одного монолога. У украинца эпитет часто рождается непосредственно в самом процессе говорения, характеризуется спорадичностью и варьированностью вариантов, он ложится в уже имеющуюся языковую модель, компоненты которой способны меняться в зависимости от фантазии и образности мышления говорящего, уходящей в бездонную глубину народного творчества. Носитель русского языка и культуры для создания комического эффекта нередко склонен к цитированию, тогда как палитра образов украинского сравнения здесь безгранична по причине ее авторской природы и спонтанности.

По этой причине в настоящей статье и при анализе собранного нами материала под устойчивостью мы будем понимать ту устойчивость, которая проявляется только на структурном уровне модели и в живой речи обрастает различными, порой самыми непредсказуемыми образами, в зависимости от образности мышления и фантазии самого говорящего, а под воспроизводимостью – повторяемость фразеологизированного сравнения на протяжении одного монолога или шире – одного художественного текста.

Для украинского контекста характерным и более выраженным языковым явлением можно назвать живой процесс перехода эпитета в сравнение с последующей фразеологизацией и выходом за пределы локального употребления: *зоряні очі – очі, наче зорі, жаб'ячі очі – очі, як у жаби* и т.п. В художественной литературе аналогично с давних времен используется данный троп или для создания образов (вспомним, как Т. Шевченко рисует образ российской императрицы с помощью сравнения: «*Мов опеньок засушений – Тонка, довгонога*» или царя: «*як відмедь*»), или для стилизации как поэтическое средство. Порой авторы вводят в свой текст народные по происхождению устойчивые сравнения (УС) без изменений, но при этом не менее часто создают и свои собственные по модели и образцу народных.

Для примера проанализируем УС с компонентом *бігати/біжати*. Помимо зафиксированных в словарях и частотно воспроизводимых *бігає (біжить) як засватана, як висолопивши языка, наче з цепу зірвався, як пес, як ошпарений, як на пожежу* мы встречаем такие украинские фразеологизированные сравнения, по происхождению народные как: *мов кручена ярка, мов опудало, мов перелякана миша, мов скажений (звір /по клітці/, собака /по полях/, бик), як весільна мати, як вовк (по степу), як заєць (довгоногий, солоний), як собака (без хвоста /по хаті/)* и т.п. Вместе с тем в живой речи мы находим множество вариантов с логически объяснимой образностью: *бігати як дурний по пеклі, як по Хрещатику, як дружка, як з шібениці зірвався, як швець з чобітьми на базар*, а также целый ряд сравнений с авторскими УС: *як Марко по пеклі, як Настя в коноплі, як Ганна (як жінка) без солі* или сравнения с полностью стертым лексическим значением компонентов УС, выполняющих исключительно

оценочную функцию: *бігати як церковна миша, як ведмідь, як слон* (в том же значении – «очень быстро»), *як дурний мила наївся, як німий в суд* (здесь важна сама модель, а абсурдность образа «немой в суд», «дурак мыла наелся» создает лишь комический эффект и усиливает оценочность).

Таким образом, после слов *як, мов, наче, ніби* в сравнительных оборотах, благодаря устойчивости модели, встречаем бесконечное количество образов, которые в украинском контексте могут быть как общеупотребительными, так и варьироваться от региона к региону, от города к городу, от села к селу и от носителя к носителю, от ситуации к ситуации.

В результате соединения несоединимого, зачастую абсурдного или вообще неправильного, возникает эффект иронии, что и является целью подобного соединения, которые мы вслед за лингвистом Я.М. Вороной [Ворона 2011] будем относить к ироничным устойчивым сравнениям (далее: ИУС).

Причем следует подчеркнуть, что предмет нашего настоящего исследования сводится скорее не столько к языковым различиям, сколько к разнице между самой манерой изъяснения, выражения мысли, природе национального юмора. Украинцы в повседневной жизни, помимо родного языка, пользуются также и русским, и суржилом (смесь русского и украинского языков), и диалектными вариантами украинского языка, но при этом все варианты украинского узуса объединяет общий прием создания комизма. Так, напр., русский язык Одессы или Киева отличается от русского языка Москвы и Петербурга не столько лингвистически (украинская фонетика, особая интонация, украинские лексические вкрапления, нелитературный синтаксис), сколько самой манерой говорения, выражения мысли и использования юмора в качестве нормы повседневного общения. Именно данный ракурс представляет собой предмет настоящего исследования.

Для примера приведем выдержку из речи жительницы Измаила (Одесская область), украинки по национальности, пользующейся в повседневном общении русским языком в своем специфическом преломлении (здесь передаем фонетические особенности и характерный для региона украинской части Бессарабии прием повтора): *«Шо ты встала, ну шо ты встала? Не, ну шо ты ти тут встала? Галю, ну, шо ты мне тут такая встала? Ты ж мне усю музыку загородила... як корова на шоссе!»* Отметим, что приведенный пример ярко иллюстрирует речь данного украино-молдавско-русскоязычного придунайского региона. При этом обращают на себя внимание не столько фонетические отличия от литературного русского языка, сколько абсолютно иная манера говорения и выражения, нежели в русском просторечии, в котором комизм создается путем цитируемости и воспроизводимости образов или обыгрывания цитируемого текста.

Фантазия украинского народа, ассоциативность его мышления, уходящая корнями в народное творчество, отражается в повседневной речи украинских городов и сел, в иронии и комизме, возведенных до уровня повседневного общения. Если для носителя русского менталитета в живом языке и непринужденном общении значительную роль играет цитация, в том числе и из художественной литературы, кино, музыки, рекламы, поп-культуры и т.п., то украиноязычная литература и даже

поп-культура не играет такой формирующей сознание роли, как в случае русского обиходно-разговорного языка. Прежде всего это касается законов функционирования живой речи обоих народов, в частности, смеховой культуры и национального юмора. Если для среднего носителя русского языка для создания комического эффекта на первый план выходит цитирование, пересказ и обыгрывание цитат совершенно из разных культурных источников, то для украинского контекста более характерно употребление фразеологизированных образов и эпитетов на народной основе.

Приведем еще ряд показательных иллюстраций. Так, например, если для выражения грусти, скуки в русском узусе легко представить себе монолог с включением общеизвестной цитаты: «*Скучно мне без вас... и скучно и грустно, и некому руку подать... как там дальше у Есенина?*» (причем, важно не авторство, а узнаваемость цитаты), то в украинском контексте (включая речь русскоязычного украинца или украинца, пользующегося в общении суржигом) вероятность подобного сравнения минимальна, а для описания подобного чувства украинец либо воспользуется известным ему УС: *сумно, мов я в чорну хмару ввійшла, я сумую мов лелека* ('аист'), либо употребит авторское сравнение, построенное по отлаженной языковой модели со спонтанно родившимся в момент речи и понятным образом: *Мені так сумно, наче щось вкрали; Сумно як ужгородському коньяку без лимончику*. Однако нередко ввиду спонтанной природы украинского сравнения и своеобразной манеры создания комического эффекта будет использован совершенно необъяснимый, нелогичный или вообще абсурдный образ со стертым лексическим наполнением, имеющий исключительно ироническую, экспрессивно эмоциональную и оценочную функцию (в данном случае – «очень»): *Йому сумно як Софії Ротару, як директору Львівського автобусного заводу, як тьоті Моті у компоті* и т.п. или намеренное неправильное употребление фразеологической единицы (ФЕ) все с той же целью создания комизма: *сумно як белке у колесі, як ні дати, ні взяти* (суржик) и т.п. Последнее явление максимально характерно для тнз. одесского языка или в искусственных речевых конструкциях, подражающих языку Одессы.

Или русское *ест как воробушек* может соответствовать в украинском, с одной стороны: *їсть як горобчик*, с другой – *він їсть, як Мая Плісецька* и т.п. Сравнение *глупый как пробка* и другие, широко употребительные русские УС, соответствуют таким специфично украинским, как, напр.: *дурний як сало без хліба, як сала шматок, такий дурний аж крутиться, дурний як миколаївський чобіт, як турецькій кінь, дурний як турок*. Список можно продолжать до бесконечности, поскольку для создания украинского сравнения не важна воспроизводимость и цитируемость образа, а достаточно только модели, которая может наполняться любыми образами, насколько хватит фантазии говорящего. Народная основа украинских УС и узнаваемость их модели провоцирует полет образной фантазии говорящего, доходящей зачастую до полной абсурдности и небрежности образа (вплоть до прецедентного и для русской культуры языка Одессы), стирания его внутренней формы при сохранении семантики УС, но уже в оценочном, экспрессивно-эмоциональном значении с комическим эффектом: *суп такий холодний як Зимовий палац; Що ти мені тут понатисав, як Ленін по п'яні; дивиться на мене як Роза на Люксембург?* и т.п.

Занимаясь подобной «абсурдизацией» образов как средством создания комического эффекта, одесский лингвист В. Окорочков отмечает, что «смеховая ситуация, в отличие от метафорической, построена по принципу сдвига смысла, который вызывает стремление к коррекции, что и проявляется в улыбке. И в зависимости от «мощности» сдвига смысла мы получаем различные варианты трансформации сознания и создание смеховой ситуации» [Окорочков 2004: 69]. Наши примеры, приведенные выше, ярко иллюстрируют, как логичное нарушение смысла вызывает смех.

В продолжение затронутой темы рассмотрим спонтанные и авторские фразеологизированные сравнения как средства создания комического и саркастического эффекта и проследим модели их образования и в живой речи украинца на материале романа «Аристократ из Вапнярки» современного украинского писателя Олега Черногуза (род. 1936 г.).

Это произведение считают первым украинским сатирическим бестселлером, который создавался на протяжении 1964–1977 гг. Многие литературоведы ставят О. Черногуза в один ряд с В. Шукшиным, поскольку оба являются мастерами создания литературных персонажей не столько описательно, сколько с помощью их речи, это поистине настоящие «виртуозы диалога». Помимо своей художественной ценности роман представляет собой настоящий клад фигур живой украинской речи, текст этого произведения в действительности можно назвать энциклопедией народного украинского языка, в которой, как в зеркале, отражаются все его проявления и по которой можно проследить законы, модели и процессы, характерные для современного разговорного языка и непринужденного общения. Язык романа О. Черногуза представляет собой вереницу записанных диалогов, которые автор слышал на улицах городов, в селах, в кафе, транспорте, коллективе и т.д. и которые он с невероятной педантичностью «застенографировал». Именно такая «застенографированность» украинского живого языка и его обиходно-разговорного стиля представляет собой огромный интерес для исследователей природы и законов спонтанной речи. И именно по этой причине данное произведение было выбрано нами в качестве материала для описания прежде всего тех средств, которые участвуют в создании комического эффекта в разговорной речи, в частности, УС. А поскольку живая украинская речь насыщена сравнениями самой различной природы, роман О. Черногуза, построенный на повседневных диалогах героев, в наивысшей степени изобилует сравнительными оборотами, как настоящий словарь устойчивых сравнений украинского языка, написанный в виде художественного произведения.

С учетом вышесказанного о природе украинского сравнения, выбранный из романа обширный материал авторских ироничных устойчивых сравнений нам представляется возможным разделить на следующие группы с наиболее иллюстративными примерами:

- 1) общеупотребительные и широко известные УС: *поблискував як бісер; стояв, як олов'яний солдатик; одягнений, як на парад; почервонів, як рак після кипіння; сидів, як мумія; як з гусака вода; мовчати як сфінкс* и т.п. Однако наибольший интерес представляют собой авторские употребления таких УС в сочетании с «несочетаемым», в результате чего возникает комический эффект, как, напри-

мер, в случае с УС *як парубоцька квартира* – о тесном лифте, или: *гордо, як молодий олень, стояв спортивний велосипед марки «Молодість наша»; наче равлик* (медленно, как улитка), *заліз сам собі в душу, надійно там сховавшись*. В качестве показательного примера обыгрывания прямого и переносного значений общеизвестных УС можно привести следующий: *В житті хто як може, так і крутиться: один, як муха в окропі, а другий, як вареник у сметані...* Или УС, в котором комизм усиливается как игрой значений, так и намеренным переходом трагичного понятия в ироничное: *Від радісного до трагічного один крок, як від любові до ненависті, як від ювілею до...*;

- 2) понятный, но сугубо авторский образ, участвующий в сравнении, которое воспроизводится, следовательно, фразеологизируется в рамках одного текста: *дівчина з чорними, як перестиглі оливки, очима; обвішаний фотоапаратами і коробками, як партизан-десантник; епохальні відкриття, як землетруси, трапляються рідко; посунув уперед, як танк по мінному полю* (т.е. напористо, но осторожно); *їхні погляди схрестилися, як дві інверсії в небі; несподівано запрацювали, як ілюзи, шлункові залози; горілка приємно розтеклась по тілу, як тепло по батареї опалення; в душі холодок, як у морозильнику холодильника; він скривився так, ніби надкусив гнилий, хоч і свіжий на вигляд помідор; голова тріщала і розколювалася, наче кавун, наповнений соками і сонцем*. К этой же группе можно отнести и художественные авторские метафорические сравнения, развернутые до целых предложений, как в примере: *всі чекали на нього з таким самим нетерпінням, як запеклі футбольні уболівальники чекають фінального матчу на кубок*;
- 3) аллюзии и обыгрывание цитат и образов из мировой культуры, напр.: *Не будьте примітивом, ви говорите, як ветеринар! Але про жінок, як і про покійників, кажуть «аут бене, аут нігіль*. Здесь же приведем пример, как на протяжении всего текста обыгрывается известная и избитая цитата: *Ніщо так не зближує людину, як стіл у бенкетному залі, як спільний стіл у ресторані, як коньяк, як об'єктив фотоапарата*;
- 4) стирание значения эпитета, когда УС выступает исключительно в оценочной, экспрессивной и комичной функции: *Дівчат він любив, як поет, особливо тих, які на даному етапі йому подобалися; Судів, як і недовареної та старої свинини, він не терпів; здобув собі популярність так само швидко, як здобуває її папа римський у Римі*;
- 5) расширение сравнительного компонента: *дивився на неї, мов на кохану, що зібралася до іншого; метушився юнак в окулярах з випуклими лінзами, як пожжежний брандмейстер перед початком тренувальної пожжежі; він не відставав від жінки, як осінній листок, прикутий першим приморозком до асфальту*; а также такие развернутые метафорические авторские сравнения, как, например: *він заспокоює себе, неначе в'язень, котрого ведуть на ешафот і котрий, працюючи на публіку, корчить із себе героя, хоч усі бачать, як його коліна вибивають дріб*; или: *Філарет Карлович розв'язав брезент і відкинув його так, як красуні відкидають поли халата, щоб ніби ненавмисне показати свої найпрекрасніші форми*.

Ввиду того, что образы в сравнениях, встречающихся в романе, большей своей частью авторские, в многообразной палитре этих образов отразилась эпоха 60–70 годов прошлого века. В ней, как в янтаре, застыли многочисленные реалии повседневной (советской) жизни. Одним из свойств художественного текста можно считать тот факт, что язык, которым он написан, в той или иной степени хранит в себе и доносит до читателя некоторые характерные черты определенной исторической эпохи как «лексические приметы времени» [Козырев, Черняк 1998].

Ниже проанализируем некоторые из них и рассмотрим их как средство «контекстуальной иронии» в ИУС. Такого рода слова, обозначающие реалии советской жизни, иногда принято называть советизмами. К их числу относятся и идеологемы, то есть слова и выражения (штампы), употреблявшиеся в сфере агитации и пропаганды.

Следует отметить, что в повседневной жизни такие слова, штампы и устойчивые обороты нередко становились основой для иронического обыгрывания, осмеяния, создания каламбуров, языковой игры, стеба, на них нередко строились анекдоты. Яркий пример такого обыгрывания реалий повседневной жизни, в том числе советизмов и идеологем, представляет собой и роман О. Черногуза. Читатель, чья жизнь пришлось на описываемую эпоху, легко распознает в тексте такие языковые единицы (советизмы, клише-идеологемы, аллюзии и прямые указания на реалии советской жизни), которые нередко встречаются в тексте романа. Примером идеологемы, использованной в ироническом контексте, свойственном непринужденному живому разговорному дискурсу, может служить следующая фраза: *Вони сказали, що у вас не голова, а кабінет міністрів* (причем «советскость» идеологемы подчеркивается русским окончанием *-ов* у существительного вместо литературного украинского *-ів*).

В основе целого ряда ИУС обнаруживаются различные по характеру и тематике слова-реалии (в т.ч. советизмы), использованные в качестве основы для сравнения (как в составе ИУС, так и в более развернутом контексте). Как отмечает лингвист Я.М. Ворона, «специфика образов ироничных УС отображает особенности народного мышления и представлений... Чем используемый образ конкретнее, тем сильнее иронический эффект, который он вызывает [Ворона 2011]. Довольно большое количество УС, встречающихся в спонтанной речи, связано с хорошо знакомыми предметами, окружающими человека в его повседневной жизни, предметов быта. В результате анализа основ таких сравнений, помимо моделей, мы получаем красочную «фотографию» эпохи. В УС, особенно авторских, характерных для живого разговорного языка и зафиксированных в речи героев романа О. Черногуза, как в краеведческом музее, перед нами предстают характерные для времени 60–70-ых гг. предметы быта, многие из которых уже давно стали признаком той эпохи, или ситуации, которые внутри одного текста становятся, во-первых, прецедентными, а во-вторых, – служат основой для сравнения с определенной ситуацией в ироническом ключе. Приведем пример: *Пассажири, наче десантники з підводних човнів, виринали з підземних тунелів і, розмахуючи портфелями й валізами, брали штурмом спустилі трамваї, тролейбуси і таксі, наче ті йшли у свій останній рейс*. Помимо колоритного сравнения пассажиров, выходящих из подземных туннелей, с десантниками из подводных лодок, автор иронично описывает и легко узнаваемую

картину. Еще одна схожая прецедентная ситуация метафорически сравнивается следующим образом: *До вас вриваються прямо з вулиці, як з перону у залу для транзитних пасажирів.*

Легко узнаваема и такая ситуация: *Зібрав навколо себе стільки людей, скільки збирає лише автоаварія або дитина, яку залишили батьки* – значение ‘очень много’ автор передает, экспрессивно и метафорически сравнивая ситуацию с поведением людей, когда подобного рода уличные происшествия, как правило, собирают толпы зевак и «сочувствующих». Соединяя два эпитета в одном сравнении, автор усиливает экспрессию и получает двойную комичность. На данном и последующих примерах мы видим, как ярко образное авторское сравнение начинает «играть» в языке, закрепляется в рамках одного текста и начинает вести себя уже как устойчивое сравнение, при этом его устойчивость сохраняется лишь до тех пор, пока не закончится монолог, диалог, авторский текст.

Аналогичный прием создания комизма можно наблюдать и в живой речи, а поскольку роман О. Черногуза построен на диалогичной речи его героев, он представляет богатый материал для исследования принципов и законов разговорного языка.

Подобный прием, как упоминалось выше, намного в большей степени характерен для украинского узуса, чем для русского. По нашим наблюдениям, украинец в повседневной жизни разговаривает сравнениями, которые спонтанно рождаются в его монологической речи. Более того, прием метафоризации и рождения авторского сравнения, зачастую намеренного его искажения или употребления в депатетизированном значении является частым инструментом в создании комического эффекта в украинском узусе вне зависимости от того, каким языком он пользуется – украинским, русским или суржилом.

Вышеуказанный и последующие примеры хорошо иллюстрируют сам процесс возникновения комизма в сравнении: 1) обыгрывание хорошо узнаваемого образа и знакомая всем ситуация, 2) превращение трагичного в комичное (зд. авария или потерявшийся ребенок), 3) частое удвоение эпитета с целью усиления экспрессии, 4) сдвиг стиля или смысла, когда удваиваются или сравниваются не связанные друг с другом образы.

Схожий прием мы наблюдаем и в иронично обыгранных «бытовых зарисовках» повседневной жизни того времени, использованные в качестве ярких комичных, порой даже саркастических сравнений: *покупці утворювали такі черги за лотереями, які можливі лише після 8 березня біля пунктів прийому склотари.* Или знакомая в те времена ситуация, когда во время просмотра фильма в кинотеатре неожиданно обрывалась лента, использована автором в сравнении: *дискусія обривалась, як кінострічка в найцікавішому місці.*

Актуальна в свое время была и такая обыгранная автором ситуация: *у його голові провітлішало, як у людини після страшного сну: автомобіль виграв, а гаража нема.* Реализация мечты советских граждан приобрести дефицитный автомобиль влекла за собой новую насущную проблему – гараж. Парадоксальность ситуации, контраст – радость от выигранного автомобиля превращается в ужас от того, что нет гаража – рождает яркий экспрессивный и комичный образ.

В составе УС и сравнительных оборотов нередко встречаются и иные характерные для описываемого в романе времени приметы из разных сфер жизни, как, например, в торговле и сфере обслуживания: *Він запобігав перед Сідальковським, як директор бази перед ревізором*. В основу ИУС легла знакомая ситуация, когда не всегда чистый на руку директор суется перед визитом ревизора, боясь обнаружения недостачи. При этом сама должность директора, например, рынка или магазина считалась весьма почетной среди обывателей, люди, занимавшие такие должности, как правило, свысока смотрели на простых граждан, что и отражено в таком развернутом УС, как: *Він походжав по спустілій Бесарабській площі* (площадь, где находится центральный киевский рынок – прим. авт.), *як директор ринку, де він (так йому думалося) щось означає і водночас не означає нічого*.

Метафорическое сравнение внешности и внутреннего мира женщины с магазином продтоваров, витриной и прилавком – не просто остроумно, но для того периода еще и остросоциально: как правило, то, что демонстрировалось на витринах советских магазинов, не соответствовало реально продаваемым товарам: *Жінок загалом він любив, але порівнював їх із крамницями, бо був глибоко переконаний, що будь-яка зовнішність жінки ніколи не відповідає її внутрішньому змісту: на вітрині одне, а під прилавком інше*.

Со сферой торговли связана основа и такого УС, как: *Кишені були порожні, як бочкотара на овочевих складах*, где саркастически отражена еще одна реалья: тара есть, а наполнить нечем.

Основой для ироничного сравнения становились также и распространенные из-за своей дешевизны, общедоступные продукты питания, как в примерах: *їх було у наших магазинах стільки, як тепер кабачкової ікри*. В данном фрагменте ироническому обыгрыванию подвергается реалья советской «гастрономической жизни»: обычная картина в продуктовых магазинах того времени – полное отсутствие продуктов, когда после 10 часов утра в магазинах украинских городов не оставалось даже хлеба и молока, и пустые прилавки заполнялись огромным количеством стальных банок с кабачковой икрой, что становилось ассоциацией советской торговли и предметом для сарказма.

В другом примере «продовольственная реалья» – *плавленый сырок* – выполняет функцию иронического сравнения для описания внешности одного из героев: *Щоки Сідалковського набули діамантового кольору, він увесь став як плавлений сирок, – м'який та податливий*. Сам продукт в силу своей дешевизны и доступности был популярен тем, что он, как и кабачковая икра, не являлся дефицитом, вследствие чего и создается иронический эффект, усиленный сочетанием кардинально разных образов: *діамантовий кольор* и *плавлений сирок*.

В двух следующих примерах упомянуты еще две популярные «продовольственные реалии»: томатный сок и рыба хек: *Його обличчя набрало кольору томатного соку із помідорів «диво ринку» і застигло; Лотереї продаватъ – це не хек свіжозморожений. Робота чиста. Інтелігентна*. Упоминание знакомых, опять-таки недефицитных товаров в нестандартном, зачастую парадоксальном контексте, в речи героев, максимально приближенной к народно-разговорной, создает сильный комический эффект.

Эффект иронии может возникать и при обыгрывании типа продукта по ассоциации «(почти) готовое к употреблению, приготовленное в заводских условиях» и «продукты домашнего, собственного приготовления», где «магазинное» представляется некачественным в отличие от домашней еды: *Любов, як і консерви, дуже швидко приїдається*. Данный пример ярко иллюстрирует создание комического эффекта в спонтанной речи с помощью приема соединения несоединимого: с одной стороны, высокое чувство, воспеваемое человеком, – *любовь*, а с другой – повседневный недефицитный ассортимент советских продмагов – *консервы*.

ИУС с компонентом «продукты питания эпохи 60–70-ых» содержат в себе и привычные для их потребителя образы, часто встречающиеся в повседневности: *Він був холодний, як пляшка мінеральної, яку щойно вийняли з холодильника і вона на теплі вкрилася памороззю*. Автор метафорично и образно «разворачивает» основу УС, сравнивая состояние человека с ситуацией, когда в жаркую погоду бутылку минеральной воды достают из холодильника.

Подобную прецедентную ситуацию как основу ИУС с компонентом «продукт питания» встречаем и в таком эпизоде, как: *Лотерея розходиться, як морозиво під час шкільних канікулів у зоопарку*. Подобные прецедентные ситуации легко может себе представить любой читатель, не обязательно знакомый с данным историческим периодом. Похожий пример: *Така гаряча посмішка, від якої у лоточниць тануло «Ескімо»*. В данном случае, сравнение – метафорическая ирония: тающее мороженое марки «Эскимо» в жаркую погоду усиливает контраст и подчеркивает степень неотразимости «горячей улыбки».

В группе образов с продуктами питания можно выделить и алкогольные напитки. Одним из популярных и дорогих считался армянский коньяк, который выступает в качестве сравнения приятного общения: *Сідальковський задовольняв його, ніби добра порція вірменського коньяку*, или в описании поцелуя: *Поцілунок вийшов довгий і хмільний, як вірменський коньяк з п'ятьма зірочками*. Сама же модель довольно распространена: в культуре поцелуй нередко сравнивается с изысканным алкогольным напитком, например, с вином.

В другом примере упоминание об алкогольном напитке иронично «переплетено» с извечной географической путаницей в сознании обывателя: *ці міста ще з шкільної парти плував, як і Литву з Латвією, не знаючи, чия столиця Вільнюс, а чия – Рига, де продають паланку, а де ризький бальзам*.

В следующем отрывке иронично обыгран прецедентная ситуация: во многих частных домах были погреба для хранения различных продуктов и домашних заготовок. Автор использует описание запахов, доносящихся из таких погребов, для ироничного сравнения воздуха, которым дышит герой романа: *В обличчя вдарила задуха, немов із льоху, де порозкривали усі бочки з-під огірків, капусти й помідорів, намагаючись забити цей запах смаженою на олії цибулею*. Стоит подчеркнуть также и разницу в восприятии данной реалии в русском и украинском контексте: на Украине погреб или кладовка даже в панельных домах, где хранятся сотни банок с заготовками на зиму, всегда были настоящей гордостью их хозяев, показателем их достатка и обязательным предметом демонстрации гостям любого украинского

дома. По этой причине данная основа вышеприведенного УС столь знакома рядовому украинцу.

Интерес представляют и специфичные украинские основы, участвующие в ИУС и отражающие непосредственно украинские реалии: *Слова були такі соковиті, як солоні кавуни взимку* (арбузы на Украине маринуются так же, как и огурцы и помидоры), а изобилие украинских урожаев находит отражение в таком УС, как: *Метерити, яких у серпні так само багато, як і помідорів* – налицо опять-таки разница в восприятии образа в сознании русского и украинца: если в средней полосе России помидор – это завезенный или выращенный в теплицах овощ, то в украинском сознании образ *як помідорів у серпні* – вполне живой и узнаваемый образ для передачи значения большого количества (ср. русск. *как грязи*).

Некоторые ИУС в основе сравнения содержат элемент обиходных товаров быта того времени: *Він зблід і зробився як фаянсова тарілка без візерунків*, или: *Вона сяяла, як начищена алюмінієва каструля з припаленої сторони*. В обоих примерах встречаются знакомые приметы времени – кухонная утварь: незатейливые, без орнаментов, фаянсовые тарелки и алюминиевые кастрюли. Еще одним привычным элементом домашнего обихода в советских квартирах были «ходики», то есть простые настенные часы с маятником и гириями: *вистукував пульс у його скронях, як домашні ходики*.

Парадоксальность образа *Ви такий ніжний, як мочалка*, – сказала вона и *пригорнула його до себе* заключается в сочетании несочетаемого – нежность сравнивается с предметом личной гигиены – мочалкой. Разница в восприятии данного образа русским и украинцем заключается еще и в том, что на Украине люфа, растение семейства тыквенных, из которого изготавливается мочалка, растет почти в каждом огороде.

Подобный прием встречаем и в таком примере, как: *Хоча, правда, був у мене один барабанщик з артучилища, то казав, що я тьоплая, як печка з духовкою*. В данном случае мы видим комичность образа, возникшего, во-первых, в результате соединения двух УС для усиления интенсивности *тьоплая, як печка* и *гарячая як духовка*, а во-вторых, путем включения в литературный язык небрежного русско-украинского языкового смешения – суржика, характерного для речи мещан, образы которых уже сами по себе представляют собой многообразную вереницу персонажей, высмеиваемых в литературе, поп-культуре, анекдотах и т.д., начиная с П. Котляревского до настоящего времени. Включение суржика в литературный украинский текст для создания комического эффекта также является специфичной чертой для украинской культуры, не имеющей аналогов в русской по причине отсутствия данной языковой реалии.

Основой сравнений становились предметы и части предметов обихода, как, например: *Він підтягував штани і, не випускаючи з рота довгого мундштука з цигаркою, що разом нагадували горизонтальну антену від транзистора*. Сигарета в мундштуке шуточно сравнивается с телескопической антенной ставшими популярными в описываемое время транзисторных приемников, создавая дополнительный комический эффект в результате контраста самого предмета сравнения с основой сравнения.

Примечательно следующее сравнение: *Голова сів за стіл, забризканий чорнильними плямами, як учнівський щоденник*. Это, фактически, реалия 60–70-ых годов, когда записи в дневнике еще делались чернилами. Подобные примеры доносят до читателя своеобразие и «исторические приметы» того времени.

Яркое образное сравнение с бенгальскими огнями вызывало и вызывает у читателя, в первую очередь, ассоциации с новогодним праздником, поэтому образное сравнение легко улавливается и добавляет колорит и «вкус иронии»: *очі горіли, як бенгальські вогні*, а прямое значение компонентов высоких и образных ФЕ *огонь в глазах, глаза горят* обыгрываются в сравнении с дешевым бенгальским огнем.

Все примеры использования реалий – «лексических примет времени» – связаны с характерными для эпохи повествования аспектами жизни. Среди них выделяются вполне знакомые, привычные предметы и явления. Вот несколько примеров, которые можно объединить общей «автомобильно-транспортной» тематикой и также причислить к символам эпохи: *Очі з такими штучними віями, що їх можна було чіпляти замість «двірників» до «Запорожця» чи «Москвича»*. Здесь размер искусственных женских ресниц комично сравнивается с «дворниками» наиболее популярных автомобилей для «среднего класса» того времени.

Приведем несколько контекстов с основой сравнения из «милицейской действительности» – строгость, повышенное внимание и оперативность действий: *А життя й справді іноді дає такі несподівані повороти, що куди там п'яному водієві автомашини перед контрольно-пропускним пунктом державтоінспекції; «Синеньку» він витяг, як міліцейський жезл; Єва зірвалася з місця, як міліцейська машина*. Еще одна ситуация, связанная с автомобильной тематикой, встречается в таком контексте, как: *Якщо його хтось намагається перебити чи зупинити, він не звертає на те ніякої уваги, мчить далі, мов на червоне світло грузовик, у якому вже давно відмовили гальма*.

Другие узнаваемые жезненные реалии того времени выступают в различных контекстуальных значениях, в частности, в примере: *Він завжди ходив усміхнений і випромінював лише доброту та масу найтепліших побажань, як святкова листівка*, где обыгрывается содержание поздравительных открыток (также колорит эпохи) – набор пожеланий, в которых и принцип организации текста был фактически одинаковым, «шаблонным». В другом примере – *Він сидів і спалахував, як червоний кашкет на привокзальній площі* – цвет лица героя, покрасневшего от смущения, сравнивается с форменной красной фуражкой железнодорожных служащих, выделявшейся на общем сером фоне толпы пассажиров.

Вышеуказанные примеры демонстрируют, что подобные реалии тонко вплетены в контекст, а для усиления комического эффекта часто находятся в очевидном противоречии с объектом сравнения. В результате получается своеобразный эффект, сходный с «депатетизацией патетизма» (термин В.М. Мокиенко): официальный штамп-реалия, идеологема, выполняя функцию основы сравнения, теряет «авторитетность» прямого значения, усиливая смеховую доминанту несоответствием формы и содержания прямого значения и контекстуально-сравнительного. При этом внутри УС могут возникать парадоксальные смысловые параллели, рождаю-

щие общее значение. Парадоксальность в целом ряде контекстов сопровождается видимой абсурдностью словосочетаний, составляющих образ сравнительного оборота или выполняющих в контексте определенные смысловые функции. Так, например, фразе главного героя – *Нічого в світі так не люблю, як каву і молодих дам... розлучених нарсудом!* – подобное «сочетание несочетаемого» (*кофе, дамы, народный суд*) создает сильный комический эффект, поскольку, как уже говорилось выше, чем нестандартнее высказывание, чем оно парадоксальнее, тем более ярко и экспрессивно оно живет в речи, тем сильнее после паузы (здесь – многоточие) эффект от нестандартного и неожиданного образа, как от «выстрелившего ружья».

Заключительным примером депатетизации стилей, когда соединяются несовместимые понятия, может стать непосредственно само название романа, в котором уже заключена ироническая направленность всего произведения: с одной стороны – аристократ, а с другой – Вапнярка, поселок Винницкой области с населением менее тысячи человек, о котором главный герой не без доли украинского юмора отзывается: *«У Вапнярці для моїх черевиків ще не проклали асфальту»*.

Литература

Баран Я.И., *Фразеологія у системі мови*, Ивано-Франковск 1997.

Ворона Я.М., *Іронічні стійкі порівняння як різновид експресивної енантіомії в українській мові* // „Наукові записки Ніжинського державного університету ім. М. Гоголя”, Нежин 2011, с. 55–60.

Козырев В.А., Черняк В.Д., *Лексические приметы эпохи в неологических словарях* // „Русистика: лингвистическая парадигма конца 20 века”, Санкт-Петербург 1998.

Кузнецова И.В., *Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): Дис. ... канд. филол. наук*, Санкт-Петербург 1995.

Кузнецова И.В., *Библейская фразеология и языковая игра* // „Сибирский филологический журнал”, № 2, 2013, с. 212–219.

Кузнецова И.В., *Языковая игра в библейской фразеологии разных языков* // „Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Ser.: „Гуманитарные науки, социальные науки и юриспруденция”, vol. 59, Number 2 December 2014, Budapest: Akadémiai Kiadó, с. 337–351.

Мокиенко В.М., *Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии* // „Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур”, Ленинград 1983, с. 40–53.

Мокиенко В.М., *О словаре русских народных сравнений* // „Вопросы теории и истории языка”, Санкт-Петербург 1993, с. 173–178.

«Народ скаже – як зав'яже»: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, Киев, 1973.

Окорочков В., *Смех и метафора (логика трансляции смыслов)* // „Збірник наукових праць з філософії та філології. „Логос і праксис сміху”, Одесса 2004, с. 64–70.

Шумейко О.А., *Мовні засоби творення комічного в сучасній українській поезії (на матеріалі творів другої половини ХХ століття)*, Харьков 2009.

Abstract

«What are you laughing at?» – about the specifics of creation of comic effect in Ukrainian (on an example of the novel by O. Chernoguz «Aristocrat from Vapniarka»)

The phenomenon of humor can be examined at the different levels of its manifestation, both at the individual and at the universal. At the same time, the individual aspect of humor does not deny the fact of its nation color, as understanding of humorous, ridiculous, and comical is formed historically within the framework of a person's imagination of the concrete cultural background, world view, ideology and facts of reality which surround not only the one individual, but the group of individuals, and wider – a nation.

Given article deals with linguistic analysis of specific of national humor. Marked phenomenon is regarded as individual one within the nationwide example of two closely related languages: Ukrainian and Russian, in their comparative analysis.

As an concrete example of the manifestation of such national specific was taken the novel of modern Ukrainian satirist, writer O. Chornohuz. Numerous examples taken from the text (mostly stable comparisons), as well as personal observations on the colloquial speech of the Ukrainians, are described in a contrasting manner as the specific nature of Ukrainian humor. It is emphasized national identity of the Ukrainian humor, analyzes the national images involved in the creation of comic effect, characteristic for the Ukrainian laughter culture, rooted in the depth of folk art.

Keywords: Ukrainian language, phraseology, comparative fixed idioms, idiomatic expressions, culturology, humour in a language and literature